

Воронина Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
E-mail: myberegok@rambler.ru

Voronina Tatiana Nikolaevna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: myberegok@rambler.ru

Головкина Светлана Христофоровна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет,
(Вологда, Россия)
E-mail: sgolovkina@mail.ru

Golovkina Svetlana Khristoforovna

PhD in Philology Sciences,
Associate Professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
E-mail: sgolovkina@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
СЛОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ТРУД» В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА
«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»¹**

**CONCEPTUAL CONTENT OF THE
WORDS IN THE LEXICAL SET “LABOR”
IN THE STORY “BUSINESS AS USUAL”
BY VASILY BELOV**

Аннотация. В статье рассматривается семантический потенциал и парадигматические отношения слов «труд», «работа», «дело», входящих в тематическую группу «Труд». Определяется круг литературной и диалектной лексики, репрезентирующей в художественном тексте В. И. Белова предметы и процессы сферы крестьянского труда. Более глубокому контекстуальному анализу подвергаются фрагменты повести «Привычное дело», направленные на выражение идеологической, нравственной и эстетической установки автора. Особое внимание уделяется лексическим средствам и их функциям в формировании структуры художественного текста.

Abstract. The authors study the semantic potential and pragmatic relations of the words “trud” (labor), “rabota” (work) and “delo” (business) in the lexical set TRUD (LABOR). They define and systemize the key literature and dialect words representing objects and processes of peasant labor in the story by V. Belov. The detailed analysis of the text *Business as Usual* (Privychnoe delo) is specifically focused on ideological, aesthetic and moral attitudes of the author. Special attention is paid to the lexical means and their functions in the formation of the literary text.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, лексика трудовой деятельности. В. И. Белов

Keywords: linguistic analysis of the text, LABOR lexis, Vasily Belov

Введение

Научный интерес к теме труда на современном этапе сконцентрирован в основном в сфере лингвокультурологических исследований. Изучению содержания кон-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова», проект № 19-012-00348.

цепта «труд», способов вербализации, оценочной маркированности языковых средств репрезентации этого концепта, словообразовательного потенциала лексем, представляющих концепт «труд», посвящено немало статей и диссертаций [2], [7], [16], [17] и др. В качестве источников для анализа чаще всего выбираются произведения фольклора (тексты сказок, народных песен, пословично-поговорочные комплексы и т. п.) [6], [8]. Осуществляется сопоставление национальной специфики в реализации концепта «труд» в разных языках [10]. Концептуальному анализу подвергаются и фразеологические единицы, зафиксированные в лексикографических источниках разных языков [1]. На этом фоне оказывается малоизученным богатый материал художественных произведений русских писателей, воплощающих тему труда и образ труженика.

Основная часть

Обращение ученых к вопросам языковой репрезентации, анализу стилистических, прагматических, этических и др. составляющих концепта «труд» не случайно. Труд является неотъемлемой частью социальной деятельности человека, он занимает большую часть его жизни, влияет на формирование характера и нравственных ценностей личности, связан с получением как материальных, так и духовных результатов. Труд для русского человека не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, нравственное деяние, богоугодное дело, причем трудолюбие было характерным выражением духовности [7]. Эта сфера общественной жизни в современном русском языке представлена широким кругом номинаций [11], среди которых наиболее частотными общими обозначениями являются лексемы *дело*, *деятельность*, *занятие*, *работа*, *труд*. Они нередко являются частью фразеологических оборотов и паремий, отражающих разное (порой противоположное) оценочное отношение к труду.

Лексемы *работа* и *труд* находятся в отношениях семантической синонимии. Их объединяют интегральные компоненты «деятельность», «занятие», «направленность на цель, результат, продукт», содержащиеся в значительной части семем обоих многозначных слов. Ср., например, *работа* – «занятие, трудовая деятельность» [11, с. 502], «продукт деятельности, готовое изделие» [15, т. 3, с. 417], *труд* – «целесообразная деятельность человека, направленная на создание (с помощью специальных орудий) материальных и духовных продуктов»; «работа, занятие» [11, с. 503], «результат деятельности, работы» [15, т. 4, с. 417]). Неслучайно словари современного языка при толковании значения слов *труд* и *работа* используют не развернутую дефиницию, а способ взаимной синонимической замены.

Однако можно фиксировать и такие компоненты, которые дифференцируют семантику этих слов. Так, семемы «служба, занятие как источник заработка» (*устроиться на работу*), «качество, способ исполнения» (например, *топорная работа*), «материал, подлежащий обработке, находящийся в процессе изготовления» (*принес домой работу*) фиксируются словарями современного русского языка только применительно к слову *работа* [15, т. 3, с. 575]. Слово *труд*, имея более абстрактное содержание, в свою очередь содержит семему «усилие, направленное к достижению чего-либо» [15, т. 4, с. 417], воплощение которой мы наблюдаем в паремии «Без труда не выловишь и рыбку из пруда», а также в синтагматических связях с глаголами

при выражении обстоятельственных отношений (*с трудом добился чего-либо*). Ни о какой синонимической замене в таком случае не может быть и речи.

Имеющее более десяти значений слово *дело* только в первом из них («действия, которыми кто-нибудь занят, занимается для достижения какой-нибудь цели, результата» [11, с. 502]) соотносится со словами *труд* и *работа*. Обобщая сведения словарных источников, обратим внимание, что лексема *дело* обозначает не только трудовую деятельность, но и «круг ведения, круг знаний»; «потребность в чем-либо», «нечто важное, полезное, существенное», «положение вещей, событие, факт»; «поступок», «разбирательство (чаще судебное)»; «происшествие, событие», «положение вещей, обстановка», «собрание документов» [15, т. 2, с. 382–383]). Несомненно, что эта номинация более широко охватывает разные сферы человеческой жизни.

Труд подразумевает преодоление, напряжение воли, трудности, о чем свидетельствует лексико-словообразовательная связь слов *труд* и *трудный*. Работа этимологически связана с неволей, рабством (работать на кого-то). Дело соотносится с пользой (действие не для развлечения), смыслом (главное дело жизни) и бизнесом (свое дело). При этом это понятия прочно связанные, четкие границы между ними провести невозможно, как и выстроить иерархически. Как отмечает В. В. Колесов, «в трехкратном повторении *дело – труд – работа* гиперонима-понятия вовсе нет, а есть нерасчлененное сознанием идеальное сочленение трехкратного символа» [9, с. 488]. Труд организует жизнь человека, является условием его существования. Помимо собственно прагматической ценности (добывать хлеб насущный), он окрашен этически (осмысленный созидательный труд предполагает соучастие в акте творения, избежание праздности и искупление греха) и эстетически (связан с красотой продукта и самого действия). Дело жизни – «труды и дни» крестьянина неотделимы от природы, ее ритма и региональных особенностей: «Не *борьба с природой*, но взаимная с нею *впряженность в труд*» [9, с. 487].

Для В. И. Белова, как и для абсолютного большинства авторов деревенской прозы, характерно традиционное понимание труда как жизненной необходимости, правомерного, целесообразного и гармонического бытия человека на земле. В этом случае, выражаясь словами Белова из книги «Лад», «сам труд отдельно как бы не существует, он не заметен в быту, жизнь едина» [3, с. 13]. Тем самым он сопрягается с удовольствием, является и формой выражения себя, получения удовлетворения от жизни: «Труд из осознанной необходимости быстро превращался в нечто приятное и естественное, поэтому незамечаемое» [3, с. 13]. Он становится делом жизни, точнее, самой жизнью.

По-видимому, В. И. Белов как писатель, тонко чувствующий природу языка и обладающий способностью наблюдать и анализировать явления окружающего мира, неслучайно использует именно слово «дело» в названии одного из лучших своих произведений – повести «Привычное дело». Дела семейные и любовные, домашние заботы и хлопоты с привычной тяжелой работой и любимыми занятиями, беготней, суетой, забота о людях и животных, положение дел в деревне (колхозе) и в городе, разбирательства с начальством – все это входит в круг тем повести. Привычное дело жизни неотделимо от ежедневного, часто тяжелого, но этически и прагматически необходимого труда, оно в нем и заключается.

В описании трудовых процессов и действий в повести «Привычное дело» писатель использует как глагольную лексику литературного языка, так и элементы диалектные и просторечные. Частотными в тексте оказываются прежде всего глаголы физического воздействия на предмет (созидательного, разрушительного): *взбивать, вырубать, гнуть, доить, докосить, засилосовать, заготовливать, испилить, косить, махать, молотить, наставить (косу), нахрястать, обкорнать, обрывать, обтеревить, обтереть, обшаркать, отбивать, пахать, перестирать, плющить, подоить, расплющить, сгребать, срубить, стелить, тесать, топить, тюкать, чистить*. Они отражают общую направленность тяжелой крестьянской работы, требующей физических усилий.

Группа глаголов перемещения объекта куда-либо, размещения чего-либо где-либо (*ставить, нести, носить, наносить, посадить, возить, вывезти*) используется В. Беловым для описания домашней работы: «Вон бабка уже и самовар несет, на стол ставит» [4, с. 27], «С ведрами бегала между ребячьими головенками, *носила с колодца воду*» [4, с. 37]. Сходную роль играют и глаголы перемещения в пространстве, движения (*выходить, уйти, прийти, бежать, побежать*): «Чуть не до дневной дойки бегала, чистила стайки, солому стелила» [4, с. 40]; «Бабка с ведром или подойником *выходила* из избы и *исчезала*. <...> и вдруг дверь открывалась и бабка Евстоля *торопилась* к печи. Так *повторялось много раз*, пока бабка не кончала обряджаться» [4, с. 26]. В рамках художественного текста эти глаголы актуализируют потенциальные компоненты «повторяемость», «нехватка времени» на весь объем работы дома и в колхозе. Эту особенность В. Белов отражает в язвительных репликах доярок, адресованных бригадиру:

– Это тебе не наряды писать!

– Химическим-то карандашом [4, с. 40].

Диалектная лексика в значительной мере составляет группу глаголов качественного состояния (*вкатывать, гоношиться, двигаться, изломаться, канителиться, ломить, надсадиться, нахрястать, обряджать, обряджаться, плотничать, работать, ходить («ухаживать»), шарашиться*). Наиболее частотными в тексте «Привычного дела» являются лексемы *обряджать* («выполнять работы по хозяйству» [13, с. 8]), *обряджаться* (в значении «выполнять ежедневные работы по дому, управляться по хозяйству» [13, с. 9]).

Для анализа глаголов этой группы важно учесть «коннотативный компонент, который, являясь частью системного лексического значения слова, дополняет его основное понятийное содержание, отражает социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений» [2, с. 208]. Так, данная группа включает единицы, выражающие отрицательную оценку деятельности (*изломаться, ломить, надсадиться*). Такое стилистическое значение формируется и за счет синтагматической связи этих глаголов со словами тематической группы «Болезнь»: «*Вся-то изломалась, вся, <...> нету у ее живого места, каждое место болит*» [4, с. 33]. Парадигма образов, соединенных В. И. Беловым в ткани текста в общую картину смерти от чрезмерного, непосильного труда, эмоционально и выразительно передана в пересказе бабки Евстоля: «Вот и наша-то, как дали день-то, так и *убежала* в ночь *косить-то*, да *всю* ночьку и *прокосила*, да и *надсадила*сь, утром и не поела, *опеть* *убежала*, а в обед вдруг Мишка Петров и бежит: «Евстоля, давай скорей за *фершалом*

посылай! <...> Привезли ее на телеге, Катерину-то, да подрастрясли, видать, дорогой-то, повалили мы ее на кровать, а она, сердешная, *только глотает горлом, только глотает* да все *руками у постели шарит*, зовет робетешок, а уж сама и *говорит еле-елешеньки и белая вся как полотенешко...*» [4, с. 110].

Важную роль в создании образов субъектов и объектов трудовой деятельности в повести В. И. Белова играют существительные, которые представляют несколько групп по значению:

1. Абстрактные (преимущественно отглагольные) существительные, называющие трудовые процессы и состояния (*работа, канитель, дойка, силосованье, сенокос, прокос, заготовка (кормов), озимой сев, уборка*).

2. Названия лиц по роду занятий, виду трудовой деятельности: *бригадир, депутат, доярка, обряжуха, печник, плотник, председатель, работальница, рыбак, скотник, телятница, уполномоченный*.

3. Номинации предметов, находящихся в доме (избе) и задействованных в домашнем труде в то или иное время суток (чаще независимо от сезона):

а) предметы посуды, утвари – *рыльник, хват, самовар*;

б) продукты труда – *сметана, молоко*;

в) части избы – *изба, печь, крылечко*;

4. Названия предметов, связанных с работой на ферме, скотном дворе, в хозяйственных (дворовых) постройках. Это номинации:

а) построек и их частей – *ферма, скотный двор, хлев, стайки, кормушка, колодец*;

б) животных – *скотина, корова, теленок*;

в) предметов ухода, кормления – *корма, силос, солома, сено*;

г) рабочей одежды – *сапоги, фуфайка, рукавицы*;

5. Промысловая (*заездок, мер ежи, верша, рыбная сумка, лодка*) и ремесленная лексика (материал, заготовки – *дрова, бревна, став* («бревно, очищенный от веток ствол дерева» [14, с. 114]), *лес*; орудия и средства труда – *топор, молоток, пила-поперешка*);

6. Названия предметов, связанных с:

1) сезонными полевыми работами (во время сенокоса):

а) тип, форма обработки или хранения скошенной травы: *кошенина, сено, силос, солома, стог*,

б) пространство: *пустовина, полев* механизмы, орудия труда, приспособления, их части: *техника, трактор, коса, лезвие, бабка* («кованое железное приспособление конусообразной формы для отбивки косы» [12, с. 17]), *стожье* («подстилка из веток или жердей под стог [14, с. 130]), *косьевище* («рукоятка, древко косы»), *оселок* («точильный камень в виде бруска» [13, с. 73]);

2) работой в огороде: *огород, грядки, лопата, картошка, лук, капуста*.

Труд персонажей повести наделен определяемыми самой природой ритмом и разнообразием в соответствии с временами дня (утро – день – вечер), года (зима – весна – лето – осень) и человеческой жизни (детство – юность – зрелость – старость). Такая цикличность не предполагает «самомышления», выпадения из ритма: все должно быть сделано вовремя, в отмеренные природой сроки. Это основа естественного и гармоничного существования.

Показательно, что в повести часто сам ход времени обозначается через привычные трудовые действия. Так, в главе «На бревнах» отмечено, как летом с началом дня последовательно «затопилась первая печь», «Дашка Путанка в рыжем переднике вышла за первой водой», «ранний молоток Ивана Африкановича отбивал косу», затем «из разных ворот завыходили работальницы», «одновременно выгоняли коров» [4, с. 41–43]. Потом «тихо в деревне», все на работах, но к вечеру «из леса баржами выплыли коровы», «Васька загоняет корову во двор», следом «вышла бабка Евстоля, села доить корову» [4, с. 48].

Незыблемость и повторяемость такого порядка – залог устойчивости бытия. Да и пейзаж в повести может быть отмечен печатью трудов человека, как в главе «Привычное дело», когда Иван Африканович идет по лесу: «За жизнь каждое дерево вызнато-перевызнато, каждый пень обкурен, обтоптана любая подсека. Вон маленькое, не больше пятачка, болотце: еще в детстве около него проколол сучком босую ногу; вон вилашки корявой сосенки: отдыхал под ней сколько раз; вон брусничный бугор: ставил силки и прыгуны на тетер; тут в прошлом году вырубал вязы для дровней, там заготавливал драночные баланы, здесь тесал хвою для коровьей подстилки» [4, с. 114]. Освоенность пространства, которая возможна только через труд, – непременный знак «понятной земли» у В. Белова.

Работа «на колхоз» (тяжелая, но обязательная) и «на себя» («непродажная»), привычное дело, сама «жись») по-разному вербализована в тексте повести. Описание работы на ферме передано в речи разных персонажей (Дашки, Евстоля) глаголами «ломить», «изломаться», «надрываться», домашние дела («канитель») передаются глаголами «гоношиться», «шарашиться», «канителься», «обряжаться». Труд для семьи, поддерживающий ее жизнь и понимаемый как жизненная необходимость, приносит, несмотря на тяжесть и усталость, радость и удовлетворение от сделанного: «Хорошо! Третью ночь спал Иван Африканович всего часа по два, дело привычное. Зато после каждой ночи на душе легче, – как-никак, а корову прокормит зиму» [4, с. 61]. Работа в колхозе, хоть и приносит какие-то деньги, нередко лишена целесообразности, сопряжена с бессмыслицей и напрасным, пустым трудом: «Пахать начали поздно, дело чего-то не клеилось, а раскиданный бабами навоз еще вчера весь пересох. Сухая серая земля туго поддавалась плугам, лемеха тупились быстро. У Ивана Африкановича болела душа при виде пыльного, поросшего молочником поля, вспаханные места были ненамного черней неспаханых» [4, с. 82–83]. Подобные примеры находим в описании чахлой кукурузы, не прижившейся на северных полях; наполнении высохших колодцев для сокрытия нерабочего состояния водопровода.

В повести практически нет специального, подробного и детализированного описания крестьянского труда, его виды, характер и степень тяжести в большинстве случаев упоминаются попутно, мимоходом. Обычно обозначаются начало или конец работ (начало дня Ивана Африкановича, сборы на работу и возвращение с нее сельчан), либо дается общая оценка их итога (Степановна на вопрос Евстоля, как покосили, отвечает: «И покосили дородно» [4, с. 110]; у Дрынова «заныло сердце» [4, с. 95], когда он видит чахлую кукурузу на поле). О длительности и тяжести труда свидетельствуют скупые, но красноречивые ремарки: «Долгий был сенокос. На ба-

бых плечах сторела не одна кожа, пока потемнели последние июльские ночи» [4, с. 95].

Исключение составляет более или менее детально описанный неполный день Катерины, когда автору важно показать степень тяжести физического труда (глава «Жена Катерина»). Он четко и методично фиксирует, что и когда делает героиня, не вдаваясь в детали процесса. При этом большую часть текстового пространства занимают мысли Катерины: воспоминания перемежаются с размышлениями о насущном: муже, детях, о дырах в семейном бюджете. Если собрать воедино все попутно названные дела героини, то выстроится событийная парадигма изнурительного трудового дня: «в три часа ночи она уже на ногах» – «носила с колодца воду» – «схорехонько покормила младшего сына и бежать на ферму» – там «принесла тридцать ведер холодной воды из речки» – наносила соломы в кормушки – подоила коров (из двенадцати доились в тот день не все, поэтому дело шло быстро) – «слила молоко» – «лопатой сгребла и вывезла навоз, накопившийся за ночь» – завершила утреннюю дойку и «обряжает беспризорных телят» – до дневной дойки «бегала, чистила стайки, стелила солому». На этом ряд событий обрывается. По-видимому, неполнота цепочки объясняется общей идеей повторяемости событий с утра и до позднего вечера («каждой-то божий день эдак, ни выходного, ни отпуска много годов подряд, а робетешка-ти? Ведь их тоже – надо родить, погодки, все погодки...» [4, с. 109]). Отдельно сказано, что косит она по ночам с мужем, хотя и без этого от ночи уже ничего не остается. Таким образом, читателю четко дается понять, что жизнь Катерины – многолетний беспросветный, практически круглосуточный труд, сопряженный с нуждой, столь тяжелый и надсадный, что кажется нереальным выдерживать такое годами. Однако героиня не ропщет на судьбу и словно не осознает этой тяжести, принимая ее как данность вплоть до самой кончины, даже в предсмертный час мысленно ругает себя, что остановилась и перестала косить.

Специально трудовые действия описаны в повести, когда они не являются привычными, совершаются впервые (первый покос Катюшки) или сложны и требуют обдумывания и планирования (изготовление лодки, над которым размышляет Иван Африканович). В главе «Последний прокос» мать учит дочку косить. В освоении нового важна каждая тонкость, а конкретные операции, из которых складывается действие в целом (косить) пока лишены автоматизма, поэтому приобретают особую значимость. Из советов Катерины («Не торопись, маши-то нешироко и ногами переступай по капельке», «Носок-то у косы поднимай, а жми на пятку, вот и пойдет дело» [4, с. 92]) и описания первых неумелых попыток Катюшки повторить за матерью складывается представление о сложности дела, освоение которого требует особого умения и терпения. В «Ладе» читаем: «Человек, слабый физически, но хорошо умеющий косить, знающий накопленные веками навыки, скосит за день больше травы, чем иной неумный верзила. Но если к вековым навыкам да еще свой талант, то косец уже не просто косец. Он тогда личность, творец, создающий красоту» [3, с. 18]. Эстетика труда у В. И. Белова связана с правильным ритмом и точно выполненным и уже привычным действием: движения матери и маленькой дочери формируют в тексте своего рода оппозицию «ритмичного – аритмичного», «многократно повторяющегося и единичного», а потому правильного, удачного (коса Катерины *ритмично мелькала в глазах, вжикала*) и пока еще ошибочного, неудачного действия

(коса маленькой Катюшки (*тукнула раз, другой, носок косы воткнулся глубоко в землю*)) [4, с. 93]. Включение в ритм, постижение нового дела приносит радость, удовольствие обеим, передача опыта усиливает духовную связь матери и дочери, придает особую эстетическую и нравственную ценность труду, поднимает его до уровня священнодействия и тем самым усиливает трагизм дальнейших событий.

Труд лечит душу, не дает замкнуться в себе, отвлекает от неприятностей, невзгод. Он возвращает в правильный ритм жизни, созвучный естественному существованию человека на земле. Так, после смерти Катерины, видя идущего копать картошку Ивана Африкановича, Евстоля замечает в разговоре со Степановной: «Ну, – думаю, – даст бог, направится, отойдет» [4, с. 112].

Настрой, ритм, осмысленность и необходимость труда на своем участке, правильный порядок противопоставлены разладу, суете, бессмысленности некоторых проявлений колхозного бытия – признакам, по Белову, дурного качества жизни. При этом большой социум неизбежно вносит разлад в малый: крестьяне вынуждены косить тайно, за счет сна и отдыха, надрываясь и разрываясь между своими и колхозным делами.

Закономерным последствием такой «порчи бытия» становится изменение отношения к труду. Митька, Мишка и Дашка – примеры последовательных, коренных по своей сути изменений в сознании русского крестьянина: отчуждения труда от жизни в целом и отождествления его с работой ради заработка, допускающей халтуру и жульничество. Реализация этой идеи отражается в использовании сниженной лексики («сколько *отхватил* вчера»; «полтораста рублей *левой ногой заработаешь*»; «за три часа дело было *обтяпано*»; «все *шито-крыто*»; «*Вкалывай тут! За так!*» [4, с. 85–87]). В этом случае он перестает быть эстетической и нравственной ценностью, составлять естественно-привычное дело жизни.

Выводы

Таким образом, труд в повести В. И. Белова понимается в первую очередь как органическая необходимость, прагматически и нравственно оправданная, эстетически окрашенная и связанная с чувством удовольствия от красоты и целесообразности процесса и результата. Время и степень освоенности пространства нередко обозначаются через перечисление трудовых действий, а сами ежедневные занятия крестьянина столь естественны, что как бы незаметны, и описываются попутно, без детализации. Акцент на них делается только тогда, когда автору важно показать степень тяжести работы или непривычность действий. Правильный труд выполняет, помимо прагматической, эстетическую и целительную функции, он гармонически связан с природой и ее ритмом, он и является сутью «привычного дела» жизни. В повести выделяются труд для семьи и работа на колхоз. В последней видны приметы разлада, изменения отношения к жизни и земле, что неизбежно отражается на первом, вторгается в естественно-гармонический уклад жизни персонажей (семьи Дрыновых), для которых труд составляет нерасторжимое единство всех видов работ. Бессмысленный труд растлевает душу, разделение работы на «свое» и «чужое» разрушает целостность существования, разрывает привычный круг зависимостей крестьянина, что видно на примере Митьки, Мишки и Дашки Путанки, для которых пони-

мание труда становится чисто экономическим и лишается эстетической и нравственной составляющей.

Литература

1. Акимова Э. Н. Концепт «труд» в сербской фразеологии в сопоставлении с русской // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: материалы I Международной научно-практической конференции (14–16 февраля 2018 г.). М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. С. 17–19.
2. Басова Л. В. Словообразовательный потенциал лексем, представляющих концепт «труд» (по данным словообразовательного словаря) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 207–212.
3. Белов В. И. Лад // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011. Т. 5. С. 7–286.
4. Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Классика, 2011. Т. 2. С. 7–128.
5. Воронцова С. С. Репрезентация концепта «труд» в русских и английских фольклорных песнях // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 7–10.
6. Гневэк О. В. Концепт «труд» в современной паремиологии // Казанская наука. 2011. № 3. С. 95–99.
7. Груша С. В. Репрезентация концепта «труд» в творчестве Ф. А. Абрамова // ФилоLogos. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. 2011. № 4 (11). С. 98–106.
8. Жуков К. А. Актуализация ценностного аспекта концепта «труд» в пословичной картине мира русского народа // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. № 47. С. 65–68.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
10. Островская Т. А. Концепт «труд» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: [б. и.], 2005. 163 с.
11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник, 2003. Т. 3. 629 с.
12. Словарь вологодских говоров (А–Г) / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Русь, 1993. 143 с.
13. Словарь вологодских говоров (О–П) / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Русь, 1993. 122 с.
14. Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Русь, 2005. 182 с.
15. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.; Т. 3. 752 с.; Т. 4. 794 с.
16. Смирнова Л. Г. Концепт «труд» в русском языке (лингвистический и историко-культурный аспекты) // Славянский мир: письменность, культура, история: материалы международной научной конференции (22 мая 2016 г.). Смоленск: Смоленский государственный институт искусств, 2016. С. 173–180.
17. Токарев Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: [б. и.], 2003. 46 с.

References

1. Akimova E. N. Kontsept «trud» v serbskoi frazeologii v sopostavlenii s russkoi [The concept TRUD (LABOUR) in Serbian and Russian phraseology]. *Peresekaia granitsy: mezhkul'turnaia kommunikatsiia v global'nom kontekste. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Crossing borders: intercultural communication in a global context. Proceedings of the I International scientific-practical conference]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2018, pp. 17–19.
2. Basova L. V. Slovoobrazovatel'nyi potentsial leksem, predstavliaiushchikh kontsept “trud” (po dannym slovoobrazovatel'nogo slovaria) [Derivational potential of lexemes representing the concept LABOR (on the data of the derivation dictionary)]. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik TSU], 2006, no. 4, pp. 207–212.
3. Belov V. I. *Lad* [The Harmony]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [The collected works in 7 vol.]. Moscow: Klassika, 2011, vol. 5, pp. 7–286.
4. Belov V. I. *Privychnoe delo* [Business as Usual]. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [The collected works in 7 vol.]. Moscow: Klassika, 2011, vol. 2, pp. 7–128.
5. Vorontsova S. S. Rerezentatsiia kontsepta “trud” v russkikh i angliiskikh fol'klornykh pesniakh [Representation of the concept ‘labor’ in the Russian and English folk songs]. *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Theory of language theory and intercultural communication], 2012, no. 1, pp. 7–10.
6. Gnevek O. V. Kontsept trud v sovremennoi paremiologii [Concept “labour” in contemporary paremiology]. *Kazanskaia nauka* [Kazan science], 2011, no. 3, pp. 95–99.
7. Grusha S. V. *Reprezentatsiia kontsepta “trud” v tvorchestve F. A. Abramova* [Representation of the concept ‘labor’ in the works by F. Abramov]. *FILOLOGOS* [FILOLOGOS]. Elets: Elets'kij gosudarstvennyj universitet im. I. A. Bunina, 2011, no. 4 (11), pp. 98–106.
8. ZHukov K. A. *Aktualizatsiia tsenostnogo aspekta kontsepta “Trud” v poslovichnoi kartine mira russkogo naroda* [Actualization of the axiological aspect of the concept “labor” in the proverb world picture of the Russian people]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2008, no. 47, pp. 65–68.
9. Kolesov V. V. *Russkaia mental'nost' v iazyke i tekste* [Russian mindset in language and text]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 p.
10. Ostrovskaja T. A. *Kontsept “trud” v russkoi i amerikanskoj lingvokul'turakh* [Concept “labor” in Russian and American linguistic cultures: PhD. thesis in philol. sci.]. Krasnodar, 2005. 163 p.
11. *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian Semantic Dictionary. The explanatory dictionary arranged according to classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik, 2003, vol. 3. 629 p.
12. *Slovar' vologodskikh govorov (A–G): uchebnoe posobie po russkoi dialektologii*. [Dictionary of Vologda Dialects (A–G): the textbook on the Russian Dialectology; ed. by T. G. Panikarovskaia]. Vologda: Rus', 1983. 143 p.
13. *Slovar' vologodskikh govorov (O–P): uchebnoe posobie po russkoi dialektologii* [Dictionary of Vologda Dialects (O–P): the textbook on the Russian Dialectology; ed. by T. G. Panikarovskaia]. Vologda: Rus', 1993. 122 p.
14. *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of the Vologda Dialects; ed. by T. G. Panikarovskaia]. Vologda: Rus', 2005. 182 p.
15. *Slovar' russkogo iazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian language in 4 v.; ed. by A. P. Evgen'eva]. Moscow: Russkii iazyk, 1981, vol. 1. 698 p.; vol. 3. 752 p.; vol. 4. 794 p.

16. Smirnova L. G. Kontsept «trud» v russkom iazyke (lingvisticheskkii i istoriko-kul'turnyi aspekty) [Concept 'labor' in the Russian language (linguistic and cultural aspects)]. *Slavianskii mir: pis'mennost', kul'tura, istoriia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Slavic world: writing, culture, history: Materials of the international scientific conference]. Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi institut iskusstv, 2016, pp. 173–180.

17. Tokarev G. V. *Teoreticheskie problemy verbalizatsii kontsepta «trud» v russkom yazyke* [Theoretical issues of the concept 'labor' verbalization in the Russian language: abstract PhD. thesis in philol. sci.]. Volgograd, 2003. 46 p.

Для цитирования: Воронина Т. Н., Головкина С. Х. Концептуальное содержание слов тематической группы «труд» в повести В. И. Белова «Привычное дело» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 3 (90). С. 43–53. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-5

For citation: Voronina T. N., Golovkina S. Kh. Conceptual content of the words in the lexical set “LABOR” in the story “Business as Usual” by Vasily Belov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 3 (90), pp. 43–53. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-3-90-5